

Санкт-Петербургская православная духовная академия  
*Архив журнала «Христианское чтение»*

***Протоиерей Иоанн Мейендорф***

Об изменяемости и неизменности  
православного богослужения

*Опубликовано:  
Вестник Ленинградской духовной академии.  
1990. № 2. С. 105-111*

© Сканирование и создание электронного варианта:  
Санкт-Петербургская православная духовная академия ([www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)),  
2013. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии  
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПбДА  
Санкт-Петербург  
2013*

# ВОПРОСЫ БОГОСЛОВИЯ

Прот. Иоанн Мейендорф

## ОБ ИЗМЕНЯЕМОСТИ И НЕИЗМЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ \*

В течение всей истории православного или «кафолического» христианства вера была неотделима от молитвы и богослужения, а богослужение выражало веру Церкви. Эту неотделимость *Lex orandi* от *Lex credendi* знало древнее монашество — авва Евагрий писал: «Кто молится, тот богослов», а наше Восточное Православие испытало на опыте и испытывает по сей день, как вера действительно сохраняется в богослужении Церкви. В течение многих веков православное богослужение сохраняло Православие на Ближнем Востоке, под турецким игом. О силе богослужения как выражения веры и верности хорошо знает и русская Церковь.

Но эта неразрывность *церковной* веры и *церковного* богослужения предполагает верное ощущение самой Церкви, верный церковный опыт, то есть восприятие верного соотношения между разными аспектами православной экклезиологии.

В рамках предоставленного мне времени я постараюсь поделиться с вами несколькими замечаниями: — об экклезиологических пред-

посылках всякого истинно православного подхода к вопросу о богослужебных изменениях;

— об исторических примерах таких изменений, имеющих отношение и к нашему времени.

### 1. Экклезиологические замечания

О. Павел Флоренский хорошо определил значение *культы* как выражения *культуры* в целом, включающей прошлое, настоящее и будущее (эсхатологическое) бытие церковного общества. Так, Церковь живет апостольской верой, выраженной раз в прошлом, но на веки вечные сохраненной свидетелями воскресения Христа из мертвых и, в последующие времена, св. Отцами и учителями Церкви. Эту же веру хранит весь церковный народ в целом. Но эта вера есть также и предвосхищение *будущего* Христова Царства. В евхаристической молитве св. Иоанна Златоуста мы понимаем: «Крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную сидение, *второе славное паки пришествие*...» Евхаристия есть

\* Доклад прочитан на Третьей Международной научной церковной конференции, посвященной 1000-летию крещения Руси.

центр всей церковной жизни и всего богослужения, а поэтому смысл евхаристического действия осмысляет и весь церковный культ в целом. Богослужение неотрывно от прошлого, настоящего или грядущего: настоящий момент в жизни Церкви связывает нас со всеми «от века благоугодившими» Богу и питает нас опытом радости и победы, которые от века предуготованы для избранных, но также возможны здесь и сейчас.

Если это так, то становятся понятными как необходимый и неизбежный консерватизм Церкви, хранящей богослужение с апостольских времен, так и «мистеральный», священный характер богослужения — Таинства Царства. Текст евхаристических молитв (или «канонов»), употребляемый нами в наши дни, повторяет, часто дословно, текст таких же молитв II и III веков, хотя основное ядро богослужения и обросло в византийские времена многими новыми элементами, отражающими другие века и эпохи. Эта *основная* связь с прошлым дополняется «горизонтальным» единством культа, объединяющим местные церкви в единую вселенскую Церковь. В древней Церкви не существовало административного единства между церквями. Не было центральной власти, которая регулировала бы богослужение для всех местных церквей. И тем не менее — скажем, в IV веке — богослужение в Александрии, в Риме, в Антиохии или в далекой Галлии было, в основном, однозначно. Структура его была одинакова. Церковь жила без единого административного центра, но едина в жизни; и это духовное единство в восприятии апостольской веры выражалось в единстве (или, по крайней мере, однозначности) богослужебных форм. В наше время литургисты много настаивают на богослужебном *разнообразии* в древней Церкви. Такое подчеркивание разнообразия

удобно для современного экуменического диалога, в котором его участники ищут новые формы церковного единства веками разделенного христианства. Но при изучении древней Церкви еще более поражает стремление древних христиан к сохранению литургического единства, которое легко обнаружить в истории богослужения. Поместные церкви легко воспринимали отдельные элементы одна у другой: Александрия у Антиохии, Галлия у Константинополя и так далее. А Константинопольская Церковь вообще имела тенденцию к синтезу: ее богослужение в IV, V, VI и VII веках было богослужением сборным именно потому, что церковь столицы была Церковью приходящих отовсюду, Церковью литургического синтеза. . . Как бы то ни было, у древней Церкви не было стремления во что бы то ни стало сохранять отдельные, самодостаточные «обряды». . . Богослужение было выражением веры *всей* Церкви — единой в вере, в молитве и в таинствах, хотя и неизбежно «многоликой» в языковом отношении.

Если богослужение Церкви выражает единство веры, а вера — едина, то и форма богослужения должна отображать это же единство. Некоторое разнообразие — неизбежно, но оно не является самоцелью: оно имеет значение миссионерское, подчиненное основному и единому назначению бытия Церкви.

Но если вера и богослужение неразрывно связаны, то эта связь должна быть не только формальной, но и живой, питающей и веру людей и их молитвенную жизнь. В православном понимании Церкви вера сохраняется не только через апостольское преемство епископата, но и всем народом Божиим; соборность Церкви выражается не только в соборах — вселенских и доместных, — но также и в их принятии и усвоении всем народом Божиим. Так и богослужение не есть дело одного

лишь духовенства: оно творится и питается благочестием всего народа. В историческом бытии Церкви часто возникают опасности от нарушения соборного единства и соборного восприятия истин веры. Например:

— Богослужение или, вернее, народное благочестие иногда развивается независимо от церковного богословия, от Писания, от церковного учительства, а тем самым и Церковного Предания. Когда богослужение застывает в непонятных формах, совершается на непонятном языке, отдает предпочтение внешним (а иногда и совсем недавним) обычаям, то народ начинает прибегать к «кустарному творчеству», питается сентиментализмом, а иногда и вовсе уходит на совсем нецерковные (сектантские) пути. . .

— Другая психологическая и духовная опасность: богослужebные реформы, исходящие «сверху», навязываемые иерархией, может быть, и на вполне правильных богословских основаниях, но без народного восприятия, без доверия и единства между церковной властью и народным благочестием. Такие реформы создают атмосферу разлада и часто приводят к расколу.

— Еще одна опасность, вполне очевидная и сразу возникающая там, где произошел разрыв между богословием и благочестием, где богослужение больше не питается живым преданием Церкви: это склероз литургических обычаев, отсутствие понимания их смысла, вымышленные символические толкования, направленные лишь на то, чтобы оправдать то, что в оправдании, собственно, не нуждается. Когда общество и культура меняются, такое «замороженное» богослужение перестает быть проводником Истины и Жизни.

В наше время миллионы людей духовно питаются православным богослужением. Очень многие — у нас,

на Западе — начинают понимать Православие именно через литургическую традицию не только христианского Востока, но и древнего христианского Запада. В православном богослужении они находят и связь с апостольской верой первых веков христианства, и опыт грядущего Царства Божия. Именно поэтому нам, православным, надо хранить богослужение не только как необходимую связь с прошлым, но и как живое свидетельство о вере. Это требует как хорошего знания его истории, так и богословский духовный опыт того, что составляет ядро именно *церковной* молитвы, в которой прошлое, настоящее и будущее объединяются в жизни Тела Христова.

Русская Церковь имела и имеет особый, часто трагический опыт в этом отношении. Поэтому именно русскому богословию, русским литургистам и, конечно, русскому пастыреначалию принадлежит особая ответственность в деле сохранения и развития православного богослужebного предания в наши дни.

## 2. Уроки прошлого

Если, поставив вопрос об изменяемости и неизменяемости богослужения, мы обратимся к истории Русской Церкви, то в самом центре сознания сразу же явится Раскол XVII века; и не только потому, что он оказался решительным событием в дреддверии Петровских реформ, но и потому, что он выявил некоторые черты, как положительные, так и отрицательные, в русском Православии того времени. Обо всем тут говорить невозможно, да и очень многое о расколе уже было сказано. Ограничусь только вопросом о богослужении как таковом.

Первое, что можно сказать, это то, что впервые во всей истории христианства сам *принцип* изменяемости богослужения как будто бы оспаривался обеими сторонами. Обе они ощущали необходимость правки

книг, но они также были твердо уверены в том, что существует единый, незабываемый церковный богослужебный устав, принятый из Византии во времена крещения Руси. Расходились стороны только в том, как лучше этот устав восстановить: обращаясь ли к «древним» (греческим или славянским) книгам, или же следуя современной практике греческой Церкви. Ни та ни другая сторона не обладали ни необходимыми знаниями, ни практической возможностью проверять русскую практику по «древним» образцам, и поэтому решение патриарха Никона и царя — исправлять книги по греческим образцам (то есть книгам, напечатанным в Венеции, часто не без латинских влияний) было решением упрощенным, которое пришлось навязывать силой. Если уж исправлять, то именно только так. . . Реакция старообрядцев всем известна. . .

Но «реформа» Никона была лишь «исправлением», а не настоящей реформой. Удивительно то, что участники трагедии XVII века — как никониане, так и староверы, — не имели представления о том, что не только «исправления», но настоящие реформы богослужения проводились в прошлом, в истории именно Русской Церкви, не вызывая ни сопротивления, ни раскола.

Не говоря уже о переменах, которые имели место в богослужении Константинопольской церкви в X и XI веках и несомненно отражались на Руси, сравнительно более недавнее (в XIII и XIV вв.) принятие Иерусалимского устава, а также известного «диатаксиса» патриарха Филофея о служении Литургии, прошли на Руси вполне безболезненно. Это были реформы куда более значительные, чем «правка книг» при Никоне. Видимо, во времена татарского ига и правления митрополита Киприана, когда вводились реформы — между иерархией и народом, клиром и мирянами, государством и

Церковью, — существовала атмосфера органического доверия. Не было всех тех духовных сомнений, страхов и внутренних терзаний, которые оказались так характерны для XVII века. Действительно ли Москва — Третий Рим? Не колеблется ли Православие из-за Западного влияния? Не являются ли греки агентами иезуитов? Есть ли у нас «ученые» люди, способные противостоять опасности? И если есть, то кто они? Как сам Раскол, так и последовавшие вскоре репрессии против раскольников в значительной мере отражали *страх* и странные чувства неуверенности и собственной неполноценности. . . Совсем пропало то органическое, естественное соборное единство, которое было так сильно на Руси в XIV и XV веках.

Интересно, что почти одновременно на Украине митрополит Петр Могила также произвел реформу — гораздо более сомнительную по содержанию. Как известно, значительные части его «Требника» (например, молитвы Таинства Покаяния, а также рубрики для совершения Литургии) были им сознательно заимствованы из латинского обряда и отражали латинское схоластическое богословие таинств. А между тем реформа Могилы была беспрекословно принята на Западной Руси, а со временем была широко использована при издании новых богослужебных книг в Москве. В Могилу поверили как в ревнителя Православия, а в патриарха Никона не поверили. . .

### 3. Реалии настоящего

Смотря на христианский мир в целом, в наши дни нельзя не упомянуть об опыте литургической реформы, произведенной Вторым Ватиканским Собором Римо-Католической Церкви. Эта реформа явилась, во многих отношениях, резуль-

татом замечательных достижений литургического движения, имевшего место в послевоенные годы, в особенности во Франции и в Германии. Стремление восстановить древнюю литургическую практику, приблизить богослужение к народу путем употребления разговорных языков (взамен латинского), сознательное принятие многих черт древнего богослужения, сохранившихся на Востоке, — все эти важные достижения реформ Ватиканского Собора имели большое экуменическое значение, сблизили католичество с Православием. . . Но экклезиологический *контекст* и *метод* реформы привели к опасной секуляризации богослужebной жизни на Западе и, во всяком случае, *только лишь частично* оздоровили литургическое сознание. Активное меньшинство католических «старообрядцев» по сей день противятся реформе, навязанной «сверху» и разрушившей многие черты благочестия, которым жил народ. . .

Во многом нам можно учиться от этого опыта — как в положительном, так и в отрицательном смысле.

В Русской Православной Церкви даже в настоящее время богослужение отнюдь не так *статично*, как нам иногда это кажется. Ограничиваясь Русской Церковью, можно привести несколько примеров. Во внешнем, эстетическом отношении введение — после XVIII века — западного, полифонического пения, включая много «концертных номеров», значительно изменило общий характер и «стиль» богослужения в России. Популярность большого числа «акафистов», написанных по образцу знаменитого Акафиста Божией Матери, Ея «Похвалы», стала питать благочестие по-новому, пользуясь более народным языком, часто более доступным, чем переводы с греческого. Практика служения утрени вечером, а вечерни — утром, первоначально оправданная пастырскими соображениями на приходах, стала «нормальной» даже в мона-

стырях. Таких примеров можно привести и больше. . .

Я их привожу отнюдь не ради критики. Во многом они отражают реальную потребность и приняты народом в целом. Но они ставят перед церковным сознанием: 1) сам факт очевидных богослужebных изменений; 2) необходимость осмыслить связь между благочестием и богословием, церковностью и ее выражением в богослужении. Ведь многое происходит без такого осмысления — как-то параллельно с общецерковным сознанием. . .

Русская Церковь знает печальный опыт «обновленчества» в послереволюционные годы. Тут существуют некоторые параллели с реформами Ватиканского Собора в католичестве. Некоторые «обновленческие» реформы имели характер гонки за секулярной современностью в отрыве от церковного народа. Но главное, они были введены раскольниками, борющимися с Церковью. Тем самым даже положительные и в принципе приемлемые и желательные реформы, вводимые обновленцами, оказались скомпрометированными в глазах народных масс да и самой Церкви, так как они исходили не от нее, а от тех, кто от нее откалывался.

В наши дни для тех из нас, кто призван свидетельствовать о Православии в Западных странах, вопрос о богослужении является вопросом первостепенной важности, как практически, так и духовно. Оставляю в стороне вопрос о литургическом языке: тут в Православии не существует принципиальной трудности, поскольку православные миссионеры всегда и везде переводили Св. Писание и богослужebные тексты на понятные данному народу языки.

Но даже при наличии удовлетворительных переводов, наше сознательно *миссионерское* свидетельство требует такой богослужebной жизни, которая могла бы действовать на внешних именно так, как

когда-то богослужение в Св. Софии Константинопольской подействовало на послов Св. Князя Владимира: «Мы не знали, на небе мы или на земле. . .»

В условиях часто поверхностных экуменических встреч с благонамеренными и благовоспитанными западными христианами, заранее настроенными благожелательно к «торжественности» (а иногда и экзотичности) православного богослужения, мы не можем ограничиться историческими и символическими объяснениями того, что есть. Но в Америке и в Западной Европе к православию также стремятся интеллигентные, ищущие люди. Мы их зовем в Церковь и говорим: «Приди и виждь. . .» И тут мы невольно стоим перед судом нашего же собственного Церковного Предания, которое мы не соблюдаем, заменяя его обычаями, укоренившимися недавно, часто непонятными и необъяснимыми даже для нас самих. . . И приходящие уходят не «вкусив трапезы. . .»

Можно было бы указать множество примеров, но время не позволяет. Во всяком случае, опыт показывает, что даже самые, кажется, второстепенные несостоятельности могут отвратить людей от Церкви. . .

В заключение я хочу указать на три основных принципа, с которыми, как мне кажется, нужно подходить к вопросу, поставленному в моем докладе:

1. *Богослужение выражает Предание Церкви*, то есть исповедание церковной веры по времени, в разных культурах и разных эпохах. Мы верим, что это Предание есть Священное Предание: изменяясь в веках, оно остается неизменным по существу. Нам надлежит совершать богослужение так, чтобы оно всегда отражало Священное Предание. В русской богословской науке имеется множество руководств, показывающих, как это происходило

в прошлом: имена профессоров Мансветова, Скабаллановича, Дмитриевского, Успенского и многих других, нам, я думаю, известны.

2. *Богослужение отражает единство Церкви* — единство со свято-отеческим прошлым и единство со всеми теми, кто *сейчас* исповедует ту же православную веру.

3. *Богослужение есть свидетельство сознательной веры*: оно не должно развиваться в отрыве от богословия, от веры, от учительства, от опыта отцов.

В рамках этих трех условий можно понять, что такое неизменяемость богослужения и как оно может законно изменяться. Изменения незаконны, когда они происходят в разрыве с иерархией или в отрыве от народного благочестия; когда они бессознательно отражают духовный упадок или искусственное приспособленчество к миру сему; когда они навязываются «сверху», извне органического церковного сознания; когда они возникают в отрыве от богословия или вообще, самоощущения Церкви. Но есть и вполне законные изменения и обогащения, которые всегда отражают подлинную церковную жизнь, связывающую нас с веком апостолов и отцов, делают эту жизнь доступной всем «спасаемым» в разные эпохи и в разных обстоятельствах.

Более того, можно сказать, что изменяемость и развитие богослужения так же неизбежны, как и сама жизнь Церкви в истории. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные и очевидные заимствования из практики византийского императорского церемониала, введенные в богослужебную практику в средние века, или весь тот «стиль» благочестия в Русской Церкви, который восходит к XIX веку. . . Даже тогда, когда эти изменения не оправданы ни Преданием, ни богословием, они указывают на *жизненность* нашего богослужения. . . Богослужение, как и сама Церковь, не

может игнорировать окружающую жизнь... Но в наше время, когда Церковь нигде больше не пользуется официальной поддержкой государства и общества; когда Она предоставлена Самой Себе и призвана свидетельствовать своими только силами, важно вновь восстановить то органическое единство, которое существовало в древнем христианстве *Lex orandi* и *Lex credendi*: един-

ство веры и молитвы. Это требует большой пастырской любви, много терпения и терпимости, единства иерархии и народа и хорошее знание богослужения и его истории.

В начале второго тысячелетия своего исторического бытия, Русская Церковь может и должна помочь всем нам, всему православному миру вновь и вновь находить в богослужении «источник воды живой».







# САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословия, регентов церковных хоров и иконописцев.

**На сайте академии**

**[www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)**

- сведения о структуре и подразделениях академии;
- информация об учебном процессе и научной работе;
- события из жизни академии;
- сведения для абитуриентов.

## ***Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»***

Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии. Материалы распространяются на компакт-дисках и размещаются на сайте журнала в формате pdf.

**На сайте журнала «Христианское чтение»**

**[www.spbpda.ru](http://www.spbpda.ru)**

- электронный архив номеров в свободном доступе;
- каталоги журнала по годам издания и по авторам;
- требования к рукописям, подаваемым в журнал.